

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

96

П 22

1555

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

96

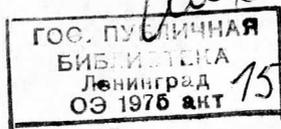
К 150-ЛЕТИЮ
ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

Том посвящен 150-летию со дня восстания декабристов. В статьях исследуются некоторые проблемы внутреннего развития движения декабристов, отклики в России и в Европе на восстание декабристов, общественно-политические взгляды и деятельность ряда членов и руководителей тайных обществ, участие декабристов в общественном движении России после восстания 14 декабря 1825 г. В ряде статей рассматриваются историографические вопросы. Публикуются также новые материалы о движении декабристов.

Исторические записки, т. 96

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР
Редакторы издательства Л. Н. Воржецова, Л. В. Машанова
Художник Б. И. Астафьев
Художественный редактор В. А. Чернецов
Технические редакторы Р. Г. Грузинова, Ф. М. Хенох
Корректор Г. И. Сурова

Сдано в набор 7/У 1975 г. Подписано к печати 13/ХІ 1975 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 24,5.
Уч.-изд. л. 27,5. Тираж 2250. Т-18350. Тип. зак. 2240. Цена 1 р. 89 к.

Издательство «Наука».
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

И 10604-346
042(02)-75 26-75

© Издательство «Наука», 1975 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- М. В. Нечкина*
150-летний юбилей восстания декабристов
7
- О. В. Орлик*
Европейская общественность и восстание декабристов
27
- Н. В. Минаева*
К вопросу об идейных связях движения декабристов
и испанской революции
60
- Ю. И. Герасимова*
Восстание 14 декабря 1825 г. и современники
(По записным книжкам А. И. Сулакадзева)
79
- В. Г. Вержбицкий*
Патриотизм декабристов
92
- А. Б. Шешин*
Декабристское общество
в гвардейском морском экипаже
107
- А. В. Семенова*
Южные декабристы и П. Д. Киселев
128
- И. С. Достян*
Балканский вопрос
во внешнеполитических планах П. И. Пестеля
152
- Н. А. Рабкина*
Декабрист Г. С. Батеньков в годы революционной ситуации
174
- С. В. Мироненко*
Крестьянский вопрос в трудах декабриста М. А. Фонвизина
197
- С. Л. Мухина*
Безвестные декабристы (П. Д. Черевин, С. Д. Нечаев)
231

Н. Я. Эйдельман

К биографии Сергея Ивановича Муравьева-Апостола

252

В. М. Тарасова

Новое о декабристе Николае Тургеневе

272

ИСТОРИОГРАФИЯ

С. С. Ланда

Г. В. Плеханов в работе над историей движения декабристов

288

А. Н. Цамугали

Идеи декабристов и русская историография XIX в.

315

АРХИВНЫЕ НАХОДКИ

С. Н. Романова

Д. И. Завалишин и Мануэль Кальдерон де ла Барка
(К вопросу о революционных связях декабристов.
По материалам III отделения)

338

Е. Н. Мачульский

Новые данные о биографии декабриста М. П. Бестужева-Рюмина

347

М. И. Воронин

Из неопубликованных «Мемуаров Антона Штукенберга»
(Встречи с декабристами в Сибири)

359

А. В. Семенова

Николай I и П. И. Пестель
(письмо В. И. Пестеля о разговоре с Николаем I)

370

И. Ф. Иовва

А. С. Пушкин и дело Владимира Раевского

378

Г. А. Невелев

Замысел издания «Истории декабристов» в 1906—1907 гг.

380

Указатель имен

384

Г. В. ПЛЕХАНОВ В РАБОТЕ
НАД ИСТОРИЕЙ ДВИЖЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

С. С. Ланда

Из богатого литературного наследия Плеханова в историографии декабризма учитывается лишь одно его выступление 14[27] декабря 1900 г. на русском собрании в Женеве, посвященное памяти декабристов¹. Наиболее распространенным является мнение, что «яркая речь Плеханова не давала ничего нового по сравнению с герценовско-огаревской концепцией и не содержала классового анализа движения», тем не менее, она «была существенным событием в декабристской историографии: революционная традиция изучения восстания восстанавливалась после длительного перерыва, причем на основе обильного материала и в блестящей форме»². Эта же мысль высказывается в более сдержанной форме: «Изданная легально в 1906 году, она (речь Плеханова.— С. Л.) характеризовалась высоким революционным пафосом, но в плане анализа сущности событий 1825 года по существу возрождала присущую Герцену и Огареву идеализацию этого движения»³. Подобной же точки зрения придерживается автор курса лекций по русской историографии в период империализма⁴ и др.

Обратим внимание на истоки этих оценок. Они ведут свое происхождение от М. Н. Покровского, выступившего с предисловием к юбилейному изданию речи Плеханова⁵.

По мнению Покровского, речь Плеханова останется «одним из самых совершенных образчиков того, что было названо «революционной легендой декабристов»⁶, не уступая, в этом отношении, знаменитой брошюре Герцена». И далее: «К сожалению, она (речь Плеханова.— С. Л.) и дает немногим более герценовской брошюры». Покровский далее пишет:

«Совершенное отсутствие классового анализа составляет первую из теневых сторон великолепной плехановской речи». «Изобразив русское дворянство как сплошную массу крепостников (то есть сторонников барщинного хозяйства), Плеханов ставит себя как марксиста в безвыходное положение: откуда же в этой крепостнической массе взялись сторонники освобождения крестьян?» Объяснение Плеханова, указывавшего на то, что дворянство вы-

делило из своей среды людей, ставших в отрицательное отношение к собственному классу и способных подняться до уровня теоретического осмысления задач революционной борьбы своего времени, было расценено Покровским как «психологизм», «достойный Михайловского». Но «возвыситься» над классовыми интересами данного класса не равноценно освобождению от классовой идеологии вообще!

Покровский пытался объяснить «отход» Плеханова от марксизма в оценке декабристского движения разными мотивами.

Прежде всего он обратил внимание на публицистический жанр выступления русского марксиста,— это было «чисто политическое произведение», не претендовавшее на классовый анализ. «Накануне создания «Искры», в разгаре борьбы с экономизмом, надо было показать, что борьба с самодержавием есть главное дело, и не разоблачать прошлых бойцов в их классовой сущности». Другим «извиняющим» Плеханова мотивом Покровский считал недостаточную научную информированность автора выступления в Женеве. По утверждению Покровского, речь Плеханова построена «почти целиком на «Записках декабристов», изданных в 60-х годах за границей, особенно же на записках Якушкина». Видимо, по этой причине Плеханову не было известно, что «14 декабря, бывшее не «вооруженным восстанием» в точном смысле этого слова, а лишь «вооруженной манифестацией», «преследовало отнюдь не те возвышенные цели, которые он ему приписывал». Но, даже учитывая все эти обстоятельства, Покровский не мог не осудить Плеханова за то, что «героем декабрьской революции у него стал Рылев», который в действительности был «никуда не годным революционным вождем»⁷.

В своих критических замечаниях Покровский имел предшественника. Еще в 1907 г. М. С. Ольминский резко осудил Плеханова за то, что тот, «обобщая настроения отдельных лиц и игнорируя классовый характер движений», не увидел, что декабристы «основывали свои надежды не на движения масс, не на борьбу против старых авторитетов власти, а как раз напротив, на укреплении этих авторитетов», что «декабрьское движение в целом, и по своему составу, и по своим целям, было классовым движением землевладельцев».

Ольминский, как и впоследствии Покровский, указывал на узкий круг источников, доступный Плеханову и вынудивший его ограничить себя в женевской речи повторением герценовской «легенды». Конечно, в отношении к декабристам Ольминского и Покровского были определенные различия, в 20-е годы значительно усилившиеся. Уже в 1907 г. Покровский, вслед за Павловым-Сильванским, сравнивал Пестеля с французскими якобинцами. В то же самое время Ольминский писал, что у Пестеля «взгляд на освобождение крестьян был чисто барский» и что

Л. С. Ланда
879

вождь Южного общества был «передовым культурным буржуа». Можно найти и некоторые другие расхождения. Но в главном — в определении классовой сущности движения декабристов, в критике «революционной легенды Герцена», возрожденной в женевской речи Плеханова, — взгляды Ольминского и Покровского совпали⁸.

Нет надобности доказывать, что спор с Плехановым шел с позиций, далеких от подлинного марксизма. Ошибочные оценки Покровского получили широкое распространение в исторической науке, стали своего рода общим мнением.

*

Единственным историком-марксистом, выступившим против вульгарно «классового» анализа движения декабристов задолго до осуждения так называемой «школы Покровского» и задолго до появления предисловия Покровского к брошюре Плеханова, был сам автор этой брошюры. Правда, выступление Плеханова осталось неизвестным, оно не стало фактом общественного сознания, не отразилось на развитии исторической науки. Тем не менее оно представляет немалый интерес для общей оценки взглядов Плеханова на движение декабристов.

По-видимому, Плеханову была известна рецензия Ольминского на первое легальное издание его речи о декабристах, но он не вспоминал об этом публицисте. Зато он высказал с необходимой ясностью свое отношение к затронутым проблемам в замечаниях на первое исследование Покровского о движении декабристов.

В библиотеке Плеханова сохранились два экземпляра первого тома «Истории России в XIX веке» со статьей о движении декабристов Покровского и Левина. Один из экземпляров этого издания весь испещрен пометами своего владельца⁹. Плеханов был внимательным и превосходно подготовленным читателем. Он, в частности, не прошел мимо отдельных фактических ошибок, допущенных авторами статьи о декабристах.

Так, на стр. 79 Покровский и Левин пишут, между прочим: «По мысли С. Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина было основано общество «Соединенных славян», которое впоследствии примкнуло к Васильковской управе». О том, что это утверждение не было случайной обмолвкой, свидетельствует примечательный факт. В предисловии к плехановской речи Покровский объясняет бедность данной там характеристики «славянам» тем, что в 1900 г. «Записки Горбачевского» не были еще в печати и что Плеханов не мог располагать к тому времени необходимыми в этом вопросе сведениями. Основываясь на этом замечании, можно сделать вывод, что до 1926 г. Покровский не знал, что «Записки»

были напечатаны за 18 лет до выступления Плеханова в первом томе «Русского архива» за 1882 г. с подзаголовком «Записки неизвестного из общества «Соединенных славян». Между тем Плеханов в действительности был знаком, по крайней мере, к 1907 г. с этими материалами. Рядом с неверной информацией Покровского относительно происхождения «Соединенных славян» Плеханов поставил на полях принадлежащего ему издания вопросительный знак.

В другом случае, на стр. 80—81, Плеханов зачеркнул в примечании имя С. Трубецкого (в статье ему ошибочно приписано авторство конституции Н. Муравьева) и подписал карандашом на полях: «Н. Муравьева?»¹⁰

Особое внимание Плеханов уделил третьему разделу статьи, посвященному идеологии декабристов, написанному одним Покровским. Для активной читательской работы Плеханова над текстом статьи существенно некоторые особенности. Он останавливается на отдельных частностях, представляющих тот или иной интерес для истории движения декабристов. Так, прочитав на стр. 89, что «На *другой день* после присяги на Невском проспекте в магазинах уже шла продажа портретов Константина, императора и самодержца всероссийского», он подчеркнул начало фразы и проставил на полях «28 ноября». В других случаях Плеханов выделяет из текста статьи факты, приводимые Покровским, сопоставляя их с позднейшими идеологическими явлениями. Известная «тирада» Фонвизина о пролетариях напомнила Плеханову воззрения народников, также не понимавших исторического значения этого нового социального класса¹¹. Главное внимание Плеханова, однако, обращено на идеологические аспекты статьи.

Полемика с концепционными утверждениями ее автора отличается большим своеобразием. Плеханов не просто высказывает свое несогласие с теми или иными наблюдениями Покровского. Он глубоко проникает в систему рассуждений Покровского, вскрывает сущие его концепции противоречия, взрывает статью изнутри. Блестящая диалектика наблюдений Плеханова неотразима: на развалинах социологической схемы Покровского появляются контуры нового марксистского исследования о декабристах. И все это происходит в пределах содержания статьи, без обращения к каким-либо дополнительным материалам. Выделенные Плехановым в статье места приобретают собственную жизнь и логику, противопоставленные взглядам Покровского, сводящего идеологические проблемы к классовому происхождению и классовой принадлежности участников декабристского движения.

Переосмысление и переакцентировка текста начинается с первого же принципиального тезиса Покровского на стр. 102:

[«В последнее время довольно прочно утвердилась характеристика декабристской идеологии, как *буржуазной*. Понимая это слово в широком смысле, характеристика конечно верна»]¹².

Традиция, о которой пишет Покровский, явно относится к жене-вской речи Плеханова и к статье В. И. Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии» (1902), где говорится о «давно забытых республиканских идеях декабристов», в свете новых задач социал-демократов, которым выпало на долю «распространить требование республики в массе и создать республиканскую традицию среди русских революционеров»¹³.

По-видимому, Покровский учитывал недавнее выступление Ольминского, подвергнутого резкой критике не только брошюру Плеханова, но и очерк К. Левина, повторившего в ряде мест «ошибочную», по мнению рецензента, плехановскую характеристику движения декабристов¹⁴. Покровский, написавший в соавторстве с тем же Левиным спустя год монографическую по своему содержанию главу о движении декабристов, постарался преодолеть эту «ошибочную» концепцию, раскрыть сословно-эгоистическое дворянское содержание идеологии декабристов. Плеханов отбросил последующие уточнения и возражения Покровского, оборвал ход его рассуждений и придал подчеркнутой фразе объективно независимый от содержания статьи смысл.

Подобным же образом Плеханов поступил с еще одной характеристикой Покровского: [«Буржуазный дух насквозь проникнул всю европейскую политическую литературу того времени и буржуазная идеология была также неизбежна для декабристов, как байронизм и романтизм были неизбежны для русской поэзии их времени»]¹⁵. Для Покровского это наблюдение было свидетельством постепенного обуржуазивания русского дворянства, не забывавшего о своих узко сословных интересах и лишь приспособивавшегося к новым общественным условиям. Для Плеханова важно было подчеркнуть объективно буржуазное содержание идеологии декабристов.

[«Обиженный самодержавием дворянин»]: вот что чаще всего видим мы за негодующими и страстными излияниями наиболее революционного из декабристов». На полях замечание Плеханова: «Допустим. Но куда он идет!»¹⁶

Плеханов чутко уловил не замеченное Покровским различие между субъективными настроениями декабриста Каховского (в замечании Плеханова слышится несколько проницательная интонация, вызванная весьма свободным истолкованием письма) и объективным содержанием его деятельности, объективным содержанием тех преобразований, которые декабристы собирались провести.

На той же странице попытка Покровского навязать декабристам дворянскую идеологию вызвала откровенное недоверие Плеханова. Рядом со словами о Каховском: «...конкретное отечество,

[которое он любил, это была дворянская Россия, с дворянскими правами и привилегиями, и даже с крепостным правом, смягчаемым, правда, «образованностью» дворянства], — стоит на полях вопросительный знак.

Далее Плеханов останавливается на характеристике конституционных проектов Батенькова: [«Как видим, внутренняя связь между попыткой 14 декабря и дворянскими революциями XVIII века была не чужда и сознанию самих декабристов. И, — совершенно в духе XVIII века, — Бестужев не мог себе представить дела без «правительственной аристократии». Не мог без нее обойтись и его искуситель, Батеньков ... по его мнению, «*сильное вельможество нам свойственно и необходимо*». «Народ» же «наш в массе всегда довольствовался желанием одной личной свободы и не искал политического влияния». И Батеньков проектирует для России две палаты: палату вельмож (верхнюю, поясняет он) из] членов «большую частью наследственных» и низшую — «*по выборам от одного среднего сословия*». Вы радуетесь: вот, наконец, и *буржуазия*. Вовсе нет: в палату по выборам входят депутаты 1) от «известных» (не от всех стало быть) городов; 2) от губерний, *из сословия владельцев земель*; 3) от трех университетов и от трех академий ... Среднее сословие Батенькова это вовсе не то, что принято разуместь под «буржуазией». Это, прежде всего опять-таки, дворяно-помещики».

Плеханов не полемизирует с этой характеристикой, но и не соглашается с ней. Несколько ниже отчеркнутых карандашной линией фраз сделана на полях запись: «О буржуазии см. выше, стр. 106». Действительно, на 106 странице Плеханов «заставляет» Покровского спорить... с Покровским:

«...по примеру прототипа всех буржуазных конституций проект декабристов провозглашает равенство [всех пред законом], отмену всяких сословных разделений, всех ограничений личной свободы, экономических и иных (гильдий, цехов и т. д.), свободу совести, устного и печатного слова и неприкосновенность частной собственности, но только на вещи: крепостное право, как юридический институт, отменяется вместе со всеми другими остатками феодального режима]».

Энергично подчеркнув карандашом основные буржуазные свободы, Плеханов как бы с облегчением заметил на полях: «Ну, вот!». Далее, на той же странице, идут уточнения. Когда Покровский пишет: «освобождаемые крестьяне ... [получали земли так мало (по 2 десятины на двор, по окончательной редакции), что их положение, как *батраков с наделом*», становится от этой щедрости только еще характернее]».

До сих пор мы не выходили из рамок буржуазной свободы», Плеханов, как опытный полемист, подхватывает последнее выражение и усиливает его: «Именно! Но буржуазной».

279/2

На 107 странице полускрытый спор продолжается. Покровский пишет: «Оригинальные черты конституции Н. Муравьева начинаются не здесь. Объявляя народ «источником всякой власти», она — *опять-таки по примеру Запада* — ставит понятие «парода» в довольно тесные рамки». Напротив подчеркнутых слов Плеханов замечает на полях: «буржуазного!» там же, на полях «NB» отмечен принципиально важный текст: [*«... и французская конституция 1791 года была цензовая (хотя там ценз был гораздо ниже)*]. Но буржуазные конституции вводят обычно ценз только по имуществу: ценз Н. Муравьева фактически *имущественно-сословный* — и здесь уже мы не найдем никакого заграничного образца. Для различных категорий населения предполагалось целых четыре] ценза: *минимальный для землевладельцев* (имущество стоимостью не менее 500 рублей, чтобы быть присяжным и избирателем) и *повышенный для владельцев движимого имущества* (1000 рублей для тех же прав). Но крестьяне, имеющие землю «в общественном владении», то есть крестьяне «экономические» или государственные, удельные, вольные хлебопашцы и бывшие военные поселения не входили в разряд земледельцев, они не участвовали [в выборах народных представителей непосредственно, а выбирали по одному избирателю на 500 душ мужского пола, который подавал голос наравне с цензовыми гражданами. Иными словами, самый мелкопоместный гражданин имел ровно в пятьсот раз больше прав, чем крестьянин, даже никогда не бывший крепостным.

Для последних условия еще суровее: бывшие крепостные вовсе участия в выборах не принимают. ... Едва ли нужно говорить, что, благодаря такой системе, *сословия, уничтоженные «в принципе», благополучно восстанавливались опять*].

Обращая сочувственное внимание на критические наблюдения Покровского, возмущенного недемократическими тенденциями конституции Н. Муравьева, Плеханов отнюдь не соглашался с конечными выводами историка. Для Плеханова было очевидным, что конституция Н. Муравьева, несмотря на симпатии ее автора к земельной и денежной «аристократии», серьезно подрывала крепостническую и абсолютистскую систему русской монархии и открывала возможности для развития буржуазных отношений. Поэтому Плеханов, выделив в тексте слово «сословия», написал рядом на полях: «Классы». В новой, буржуазной России уже не было условий для восстановления прежних феодальных сословий, что, разумеется, не исключало существования класса крупных земельных собственников.

Едва ли не все аргументы Покровского, доказывающие дворянский по преимуществу характер идеологии декабристов, взрываются изнутри. На странице 108 выделен текст: [*«Тот факт, что формально права верховной думы Н. Муравьева являются ко-*

пей с сената Соединенных Штатов, только подчеркивает оригинальность русского проекта. Известно, что даже при отсутствии имущественного ценза, американский сенат строго *блюдет интересы крупной собственности*: насколько энергичнее действовала бы в этом направлении «верховная дума» декабристов!].

Плеханов на полях книги делает следующее замечание: «Но ведь Америка буржуазная страна».

Принципиально ошибочным представился Плеханову общий итог, к которому пришел Покровский: «Жертвуй им (крепостным правом) — и жертвуй крайне осторожно — они (декабристы. — С. Л.) лишь учитывали ближайшее будущее. Но *аристократический строй общества они оставляли неприкосновенным и никакие фразы, взятые из [буржуазных конституций, не могут замаскировать того факта, что движение декабристов было в сущности дворянским движением]*». На сей раз Плеханов не стал вступать в полемику и ограничился кратким замечанием: «Ср. выше. Стр. выше»¹⁷, где он убедительно доказывал на материалах, приводимых в статье Покровского, объективно буржуазное содержание идеологии декабристов.

В процессе дальнейшего чтения задача Плеханова упростилась. Как ни силился Покровский обнаружить классово «негативные» черты в идеологическом облике Пестеля, программные требования вождя «Южного общества» говорили сами за себя. Плеханов подчеркнул несколько характерных для Покровского и внутренне противоречивых определений конституционных планов Пестеля. Особый интерес представляет текст на стр. 116:

«Пестель был безусловным сторонником полного политического и гражданского равенства всех граждан. Временное Верховное Правительство обязано [*«всякую даже тень аристократического порядка, хоть феодального, хоть на богатстве основанного, совершенно устранить и навсегда удалить*»]. Граждане его идеального государства должны быть математически равными единицами — и, подобно французским якобинцам, он прекрасно понимает неизбежность имущественного равенства. И тем не менее Пестель признает, что *«богатые всегда будут существовать — и это очень хорошо*». И тем не менее он отдает свое ультрадемократическое государство под опеку «дворян и богатых». И тем не менее, намечая основные черты крестьянской реформы, он ставит на первом месте требование, гласящее: [*«освобождение крестьян от рабства не должно лишать дворян дохода, им от поместий своих получаемого*»]. «Коренной ломки сложившихся экономических отношений Пестель не мог иметь в виду. «Богатые всегда будут существовать и это очень хорошо» — будет существовать и крупное землевладение. В своем проекте освобождения крестьян Пестель тщательно оберегает помещичьи имения размерами до 5000 десятин»¹⁸.

Плеханов останавливает свое внимание на фактах, свидетельствующих о том, что даже в наиболее радикальных конституционных проектах декабристов не терялись из виду интересы «благородного сословия». Но, в отличие от Покровского, он не забывает о том, что в будущей России исчезнут все феодальные сословия, в том числе, дворянство, не отказывает людям, подготовившим 14 декабря, в революционности и видит в «осуждающих» декабристов фактах своеобразие, а не существо их идеологических представлений. В то же время карандаш Плеханова последовательно выделяет в тексте Покровского материалы, говорящие о решительной ломке феодальных поземельных отношений, которую собирался провести в России на основе «Русской правды» Пестель.

[«По проекту Пестеля, в общественное распоряжение поступила лишь половина всех угодий волости. Другая половина предназначается «для образования частной собственности», и хозяева обладают ею с полною свободою» и имеют право «делать из оной, что им угодно». «...каждый член волостного общества имеет право столько требовать участков, «сколько пожелает» — и не только из числа не имеющих собственной земли...»¹⁹

Знаком «NB» выделен следующий текст: [«Владельцы крупных и многоземельных имений (не менее 1000 душ и 10 000 десятин земли) экспроприруются Пестелем наполовину без всякого вознаграждения. Имения от 5 до 10 тыс. десятин экспроприруются с вознаграждением, но лишь] отчасти...». [«В противовес реформе 19 февраля, совершенной исключительно дворянскими руками, Пестель давал право голоса и крестьянству»]²⁰.

Известно, что взгляды Покровского на движение декабристов не оставались неизменными. В 20-е годы концепция единой дворянской идеологии, которую якобы представляли декабристы, дала трещину: рядом с консервативным «Севером» появился радикальный и демократический «Юг». По крайней мере по отношению к Пестелю и руководимой им организации Покровский отказался от оценок, которые он высказывал в своей первой статье о декабристах. Любопытно, что Плеханов в своей «редакторской» работе над текстом как бы высвобождал Покровского от груза его ошибок, нацупывал тенденции, которые лишь намечались в отдельных наблюдениях автора статьи и которые привели его впоследствии к ревизии ряда важнейших компонентов концепции, в своей основе отстаиваемой им, однако, до конца.

Вопреки Покровскому, Плеханов не противопоставляет, а сближает, опуская все «классовые» коррективы, позиции Рылеева и Пестеля: [«Увлекался идеей освобождения крестьян (в Северном обществе. — С. Л.), по-видимому, один Рылеев, принадлежавший, — что очень характерно, — не к крупному, как большинство декабристов, а к среднему дворянству. Но это было больше увле-

чение поэта, чем политика, — и выразилось оно в поэтическом произведении, в известной, так инкриминированной ему его] следователями песне («Ах, тошно мне. И в родной стороне...»). Один Пестель ставил вопрос так, как он ставится и поныне; один он [говорил о тесной связи земли и воли. По устному преданию, переданному Герценом, он сказал своим друзьям: «Мы можем, пожалуй, провозгласить республику, и все-таки будет мало толку, у нас не будет всенародного восстания, доколе мы не коснемся поземельной собственности дворян. Мужичку нужна земля». На аграрном перевороте для Пестеля строилась вся русская революция»]²¹.

Разрушая утверждения Покровского, сводившего движение декабристов к классовым интересам определенных групп русского дворянства, Плеханов на материалах его статьи обосновывал концепцию, сформулированную им в основных чертах еще в женеvской речи в 1900 г.

Исучая движение декабристов, Плеханов использовал широкий круг источников, опубликованных главным образом в «вольной русской печати» за границей. Помимо политических выступлений Герцена, он учел лондонские и лейпцигские издания, в которых впервые появились воспоминания И. Д. Якушкина, Цебрикова, Н. А. Бестужева, С. П. Трубецкого, рассказы Соловьева, Быстрицкого и Мозалевского в записи Вадковского («Белая церковь»), «Воспоминания о Кронверкской куртине», стихотворения Пушкина, Рылеева и других поэтов-декабристов. Серьезную исследовательскую работу провел Плеханов над текстом «Донесения следственной комиссии» и ее разбором, сделанным М. Луниным и Н. Муравьевым. Хорошо известны были Плеханову труды А. Н. Пыпина, М. И. Богдановича, документальные публикации «Русского архива». Тем любопытней проведенный им отбор источников для своей речи в Женеве: предпочтение отдается исключительно памятникам революционной традиции — статьям и публикациям Герцена, мемуарам декабристов.

Речь Плеханова была политическим выступлением, далеким, как он сам об этом говорит, от жанра реферата, обстоятельного научного сообщения. Тем не менее автор выступления счел необходимым с марксистских позиций «характеризовать... хотя бы в немногих словах, как самое движение, приведшее к восстанию на Сенатской площади, так и ту среду, в которой оно возникло и развивалось».

Плеханов видел в декабристах революционеров, выпешших из дворянского сословия и сумевших порвать с интересами собственного класса. Это были «идеологи, которые (выражаясь словами

Коммунистического Манифеста) возвысились до теоретического понимания хода исторического движения. Они ненавидели крепостное право и стремились к гражданской свободе». Эти буржуазные по своему объективному содержанию лозунги были свойственны всем направлениям декабристской мысли, как приверженцам республиканских идеалов, так и сторонникам конституционно-монархического строя. «...все были совершенно согласны в том, что необходимо положить конец существованию *самодержавия* и *крепостного права*. — Успех заговорщиков знаменовал бы собою торжество гражданской и политической свободы в России».

В отличие от позднейших вульгаризаторов марксизма Плеханов настойчиво подчеркивал революционный характер всего в целом движения декабристов. «...имена Павла Пестеля, Кондратия Рылеева, Сергея Муравьева-Апостола, Петра Каховского и Михаила Бестужева-Рюмина останутся в памяти всех свободолюбивых русских людей, как имена первых из тех наших — увы! многочисленных — мучеников, которые жизнью заплатили за свои революционные стремления»²². Декабристы, первыми вступившие на путь революционной борьбы с самодержавием и крепостничеством, являют собой идеал революционной нравственности и гражданской самоотверженности. В статье «Что же дальше?», опубликованной в декабрьском номере «Зари» в 1901 г., Плеханов писал: «Отчего наше общество оставалось безответным? Оттого ли, что русские люди — рабы по природе своей? Нет и тысячу раз нет! Рабами делаются, а не рождаются. Такие имена как Рылеев, Пестель, Михайлов, Чернышевский, Бардина, Желябов и многие другие, прославленные нашими соотечественниками, ясно доказывают своим примером, что и русские сердца могут быть, по выражению Пушкина, *для чести живы*, что и в них может жить горячая любовь к свободе и ненависть к деспотизму»²³. Тем же признанием революционных традиций русского освободительного движения проникнута речь Плеханова о Н. А. Некрасове, с которой он выступил в Женеве 10 января 1903 г.: «Уже с конца XVIII века в России появляются люди, стремления которых резко противоречат казенному идеалу. Новиков, Радищев, декабристы, Герцен, Огарев, Белинский, петрашевцы умели смотреть несравненно дальше узкого круга своих домашних интересов и ни за что не хотели «позорить гражданина сан»»²⁴.

В политической публицистике Плеханова начала 1900-х годов обращение к революционному прошлому связано самым непосредственным образом с интересами русской социал-демократии, русского рабочего класса, с очередными задачами его политической борьбы. «Беря за точку исхода, — завершал свою речь Плеханов на русском собрании в Женеве, посвященном памяти декабристов, — непосредственные экономические интересы *трудящейся массы* и прежде всего ее наиболее передовой части: *пролетариа-*

та, — мы стараемся развить ее политическое самосознание и популяризовать в ней идею *борьбы за политическую свободу*. В этом заключается наша месть царизму за те жертвы, которые пали и падают под его ударами. Когда разовьется политическое самосознание русской трудящейся массы, тогда — и только тогда — взойдет та «заря пленительного счастья», о которой говорит Пушкин в послании к Чаадаеву; тогда — и только тогда, —

Россия вспрынет ото сна
И свергнет иго самовластья!»

Нетрудно заметить, что высказывания Плеханова о декабристах в ряде моментов приближаются к ленинским оценкам движения первых русских революционеров.

Общим было отношение к Герцену, давшему ряд блестящих характеристик как косному и развращенному крепостным правом дворянскому обществу, так и вышедшим из его среды революционерам.

Разумеется, Ленин и Плеханов не механически следовали за Герценом. Демократическая традиция, идеализировавшая образы героев 14 декабря 1825 г., получила марксистское истолкование: «...воины-пророки, вышедшие сознательно на явную гибель, чтоб разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и рабологии», были увидены в исторической перспективе как выразители определенной классово-идеологии. Говоря о дворянских офицерах, едва ли не полностью возглавлявших движение декабристов, Ленин отмечал, что «они были заражены соприкосновением с демократическими идеями Европы во время наполеоновских войн»²⁵. Сходную мысль высказывал Плеханов в своей речи о декабристах: «Пробуждению политической мысли в офицерской среде много содействовали, как известно, наполеоновские войны». И далее, перефразируя слова Герцена: «Но к чести нашей страны, в этой среде (дворянской среде. — С. Л.), мертвой для всякой живой мысли и для всякого благородного порыва, стали появляться, под влиянием освободительного движения западноевропейского *tiers état* люди, понимавшие весь ужас тогдашнего положения России и готовые всеми силами служить делу освобождения русского народа»²⁶.

Влияние «демократических» идей Запада на русское освободительное движение было обусловлено внутренним развитием России, переживавшей общий для всех европейских стран процесс смены социально-экономических формаций. По определению Ленина, «эпоха, с великой французской революции до франко-прусской войны, есть эпоха подъема буржуазии, ее полной победы. Это — восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности,

эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений»²⁷. В этой исторической перспективе декабристы занимают свое определенное место. Они первыми вступили на путь революционной борьбы с самодержавием и крепостничеством, расшатывали старый общественный строй и объективно являлись выразителями демократической буржуазной идеологии. Именно в этом смысле приведенных выше высказываний Ленина и Плеханова, в которых раскрывается классовое содержание идейных устремлений декабристов.

Устанавливая классовый характер движения декабристов, Ленин и Плеханов в полной мере учитывали своеобразие этого движения, происходившего в эпоху, когда крепостная Россия была «забита и неподвижна», а протестовало «ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа»²⁸. В знаменитой ленинской формуле — «страшно далеки они от народа» — дана характеристика как непосредственно социальной основы движения, так и своеобразия идейных, организационных и тактических установок движения дворянских революционеров. Ряд интересных наблюдений об исторической специфике политических организаций, выработанных движением декабристов, был сделан Плехановым еще в 1884 г. в работе «Наши разногласия»: «С точки зрения социал-демократа истинно-революционное движение настоящего времени возможно только в среде рабочего класса. С точки зрения бланкиста революция только частью опирается на рабочих, имеющих для нее «важное», но не главное значение. Социал-демократ хочет, чтобы рабочий сам сделал свою революцию; бланкист требует, чтобы рабочий *поддержал* революцию, начатую и руководимую за него и от его имени другими, положим, хоть г.г. офицерами, если вообразить нечто вроде заговора декабристов»²⁹.

Замечание Плеханова чрезвычайно ценно для типологического изучения политических организаций, лишенных широких связей с народными массами, хотя и выступающих во имя их интересов. В перспективе русского освободительного движения Плеханов с марксистских позиций рассматривал революционное дело декабристов, значение их наследия для пролетариата, для социал-демократической партии. Осуждая узкие заговорщические формы политической деятельности, оправданные в эпоху декабристов, но в дальнейшем процессе роста революционной сознательности рабочего класса потерявшими свое прогрессивное значение (здесь наблюдения Плеханова отчасти сходятся с позднейшим классическим анализом, данным Лениным социальной роли русского офицерства в разные периоды освободительного движения), Плеханов настойчиво подчеркивал общедемократическое значение лозунгов декабристов для политической борьбы рабочего класса.

Плеханов вместе с Лениным вел борьбу за создание полити-

ческой партии рабочего класса. С 1897 г. он выступал против «экономизма» как разновидности международного оппортунизма и продолжил эту борьбу вплоть до II съезда партии. До 1903 г. Плеханов сотрудничал с Лениным в издании «Искры» и «Зари» и отстаивал вместе с ним политическую программу русской социал-демократии. Даже после 1903 г., когда Плеханов перешел к меньшевикам и сблизился в годы первой буржуазно-демократической революции с кадетами, он продолжал оставаться в ряде принципиальных вопросов на марксистских позициях. Во время столыпинской реакции Плеханов решительно осуждал «ликвидаторов» и выступал с критикой «веховских» концепций истории русской общественной мысли.

*

Говоря о близости Ленина и Плеханова в ряде важнейших вопросов, связанных с отношением к движению декабристов русской социал-демократии, нельзя забывать и о различных, которые особенно заметно проявились после 1903 г. и, в частности, в незавершенном фундаментальном труде Плеханова «История русской общественной мысли».

В первом плане издания, подготовленном Плехановым в октябре 1909 г. для книгоиздательства «Мир», история русской общественной мысли должна была быть доведена до 1907 г. и представлять собой монографическое исследование объемом в 46 авт. л. В 1912 г. издательство увеличило объем до 50 авт. л. Еще в середине 1913 г. Плеханов рассчитывал завершить первый том главами о Радищеве и декабристах. В феврале 1914 г. Плеханов, успевший «покончить с Московской Русью», заметно изменил первоначальный замысел: восемнадцатый век и декабристы должны были войти во второй том, все остальное — в третий. Но уже спустя несколько месяцев книгоиздательство объявило в своем «проспектусе», что все издание займет не менее пяти томов. В начале 1917 г. сообщалось о предстоящем выходе семи томов.

Трудно судить, как далеко пошло бы издательство навстречу Плеханову, масштабы работы которого постоянно расширялись. Рукопись, оставленная им перед смертью и обрывавшаяся на главе, посвященной Радищеву, занимает 56 авт. л., значительно больше первоначального объема всего издания. Когда Плеханов приступал к работе над «Историей русской общественной мысли», он полагал, что вся первая часть, включая восемнадцатый век, займет не многим более десяти авт. л. В действительности же эти разделы заполнили три тома; один восемнадцатый век занял тридцать авт. л. Перед нами едва ли не шестикратное увеличение! Если следовать такому отсчету, общий объем издания мог

бы достигнуть по крайней мере 200 авт. л. Причем, главы, относящиеся к декабристам и к близким сюжетам, вместо 4—6 авт. л., составили бы солидную монографию объемом не менее 20 авт. л.

Подобные расчеты обосновываются как общим состоянием оставленной рукописи «Истории русской общественной мысли», так и размахом проведенных Плехановым подготовительных работ. В его библиотеке представлены фактически все исследования о движении декабристов, вышедшие до 1918 г., в том числе капитальный труд В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» (СПб., 1909), монографии Н. Павлова-Сильванского «Декабрист Пестель перед Верховным судом» (Р.-па-Дону, 1907) и Н. Котляревского «Декабристы. Кн. А. Одоевский. А. Бестужев» (СПб., 1907), ценное источниковедческое издание «Общественные движения в России в первую половину XIX в., т. I. Декабристы: М. А. Фон-Визин, кн. Е. П. Оболенский и барон В. И. Штейнфельд (статьи и материалы. — Составили В. И. Семевский, В. Богучарский и П. Е. Щеголев» (СПб., 1905), публикация архивных документов в сборниках «Обозрение проявлений политической жизни в России и другие статьи М. А. Фонвизина. Проект конституции Н. Муравьева» (М., 1907), «Политические процессы николаевской эпохи. Декабристы. Тайные общества. Процессы Колесникова, братьев Критских и Раевских» (М., 1907), составленный Б. Базилевским (В. Богучарским) сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений «Государственные преступления в России в XIX веке» (СПб., 1906), первое издание воспоминаний Н. Тургенева «Россия и русские» (1907), «Записки декабриста Д. И. Завалишина» (СПб., 1906), «Записки Н. В. Басаргина» под ред. и со вступ. статьей П. Е. Щеголева (Пг., 1917) и др.

К этому перечню названий следовало бы добавить многочисленные исследования, относящиеся к истории александровского времени и к истории западноевропейского общественного и идеологического движения первой трети XIX в. К истории декабристской мысли обращался не случайный читатель-дилетант, а выдающийся марксист, ученый, вооруженный знанием всех известных в то время источников.

Плеханов не успел написать декабристские разделы, но их контуры могут быть восстановлены в общих чертах по содержанию выписок, сохранившихся в его архиве и по замечаниям на полях прочитанных книг. Дело в том, что большинство книг, перечисленных выше, являет собою род своеобразных исследований: Плеханов как бы конспектирует содержание той или иной книги, выделяя карандашными росчерками интересующие его факты, полемизирует с автором, высказывает собственные соображения, оценки и наблюдения. Чаще всего заметки на полях

относятся не к авторским рассуждениям, а к публикуемым в этих исследованиях источникам. Плеханова как будто не интересуют концепционные построения Семевского, Павлова-Сильванского, Довнар-Запольского, Котляревского, Богучарского, Щеголева и других авторов как либерального, так и направления грубого «экономического материализма», представленного именами Ольминского и Покровского. Лишь изредка он полемизирует — об этом уже говорилось выше — с последними. Главное внимание исследователя русской общественной мысли обращено на фактическую историю движения декабристов, на источниковедческий анализ, на документальную основу монографий и публикаций. Во многих случаях Плеханов выделяет группы однородных фактов в разных исследованиях, сопровождает их своими наблюдениями, подчеркивает отдельные ссылки на источники или на литературу вопроса с целью их последующего изучения или проверки. Происходит некое «высвобождение» от авторской индивидуальности: чужие исследования воспринимаются Плехановым лишь как источниковедческое сырье для построения собственных концепций, отчетливо просматриваемых в перспективе его работы над «Историей русской общественной мысли».

После 1903 г. взгляды Плеханова на развитие русской культуры заметно отошли в ряде принципиальных положений от ленинской периодизации освободительного движения в России. Не признавая за пролетариатом роли гегемона в эпоху буржуазно-демократических революций и кануна социалистической революции в России, Плеханов явно полемизировал с известными положениями статьи «Памяти Герцена», когда писал в «Очерке развития русских общественных отношений»: «за дворянским и разночинским периодами истории русской общественной мысли последовал новый, и теперь еще продолжающийся, период, в котором уже гораздо менее заметна идейная гегемония какого-нибудь одного общественного класса или слоя. Теперь нет господствующих умственных течений; теперь умственные силы распределяются, главным образом, между двумя полюсами: полюсом пролетариата, с одной стороны, и полюсом буржуазии — с другой»³⁰.

Из этого социологического анализа неизбежно следовали выводы, сближавшие Плеханова в политической борьбе с буржуазными партиями. В то же время недооценка идейной роли пролетариата в буржуазно-демократической революции сопровождалась преувеличением идейной гегемонии господствующих умственных течений предшествующих эпох: дворянской и разночинской. Плеханов не видел в закрепощенном крестьянстве социальной силы, накопившей горы революционного протеста против феодально-помещичьей России, он не в полной мере учитывал влияние этого протеста на «господствующее» умственное — дво-

879/4

рянское или разночинское — движение. Отсюда возникали угрозы, с одной стороны, социологической схематизации сложных литературных явлений, как это было в статьях Плеханова о Льве Толстом и Некрасове, открывавших дорогу для вульгаризаторских толкований, с другой, чрезмерной логизации исторического процесса, отрыва от конкретной русской социальной почвы, преувеличения роли западноевропейских идеологических влияний. Естественно, что Плеханов, сближаясь с Лениным в характеристике дворянского и разночинского периодов, не смог раскрыть во всем богатстве диалектических связей процессы преемственности в русском освободительном движении. Но даже в это время, когда Плеханов перешел на позиции меньшевиков, он во многих вопросах развития философской мысли и истории общественного движения продолжал оставаться марксистом. Это проявилось, в частности, в отношении Плеханова к идеологическим проблемам декабризма.

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с пометами Плеханова на полях прочитанных им книг по истории движения декабристов, — это размах и масштабность предпринятых работ. Деятельность «Союза Спасения» и «Союза Благоденствия», «Южного» и «Северного» обществ, «Соединенных славян», связи декабристов с масонскими ложами в Петербурге, Кишиневе, Полтаве, конституционные проекты Н. М. Муравьева, П. И. Пестеля, Г. С. Батенькова, М. Ф. Орлова и др., контакты с польскими тайными обществами, русские и западноевропейские идеологические воздействия — все привлекало к себе внимание Плеханова. Декабризм воспринимался им как широкое политическое движение, оразившееся на всех направлениях умственной жизни того времени, в том числе в литературе, представленной именами Пушкина и Рыльева. В плане раздела, посвященного декабристам, указаны завершающие темы: «Революционная мысль в изящной литературе. — Молодой Пушкин и поэты-декабристы»³¹. Важнейшей особенностью всех тайных обществ Плеханов считал их революционный характер. Слово подводя итоги своему спору с Покровским и Ольминским, он, рассматривая конституционные программы «Южного» и «Северного» обществ, писал о «различных направлениях революционной мысли»³², которую представляли выходцы из дворянского сословия. Именно в этом выражалось своеобразие русского исторического процесса. В России не существовало развитого третьего сословия, способного выдвинуть самостоятельную программу революционных преобразований. В этой роли выступили отдельные представители русского дворянства, сумевшие подняться над своими сословными интересами. «Продолжая быть, в известных отношениях», «барамии» до конца погтей, молодые дворянские идеологи становились в отрицательное отношение к наиболее грубым проявлениям дворян-

ского сословного эгоизма. Так, уже в XVIII в. они резко нападали на злоупотребления крепостным правом, а некоторые из них заговорили и о полном его уничтожении. Скажу больше. Вышедшие из дворянской среды передовые люди выставляли иногда такие социально-политические требования, осуществление которых означало бы полную отмену привилегий благородного состояния и проложило бы дорогу для широкого развития буржуазии и в экономической жизни, и в политике. Достаточно напомнить декабристов». К этим словам Плеханов сделал следующее примечание, слегка перефразировав Герцена: «Известна острота гр. Ростопчина, что у нас аристократы поставили перед собой такую политическую задачу, которую во Франции ставили перед собой «сапожники»»³³.

Объективно буржуазное содержание программных требований декабристов для Плеханова вне сомнений. По-видимому, он предполагал высказать в ходе своей работы ряд замечаний по поводу концепции Покровского. В процессе чтения воспоминаний Н. И. Тургенева Плеханов остановился на реформах, которые предлагал автор и которые имели явно выраженный буржуазный характер, и сделал на полях замечание: «Программа Тургенева (Покровскому)»³⁴, то есть указал на материалы для полемики с Покровским.

Ряд критических замечаний у Плеханова вызвали либеральные рассуждения Н. Котляревского в монографии об А. И. Одоевском. Всячески подчеркивая разрыв между «поэтической мечтой» и реальной действительностью, Котляревский был склонен оправдать «трагедию мечты» в отдельных фактах малодушного поведения участников восстания на следствии. [«Был момент в его жизни, — писал Котляревский об Одоевском, — когда, под тяжестью обрушившейся, как ему казалось непоправимой, беды, он в полусознании бормотал бессвязные речи и в страхе был слишком откровенен — но, кто решится осудить его за это?】 Темперамент политического бойца заставил Плеханова сразу же возразить на полях книги: «Многие!»³⁵

Публицистический выпад не заслонил для Плеханова сложности проблемы, перед которой оказались бессильны многие последующие исследователи³⁶. Вслед за Котляревским Плеханов останавливался на всех противоречиях в политическом поведении Одоевского³⁷, но это не помешало ему восторженно присоединиться к словам А. Бестужева из его письма к Н. Полевою: [«Несчастливы вы, что судьбой брошены в такой огромный круг мерзавцев. Я был счастливее вас, живучи в свете; я знал многих, у которых самый большой порок был лишь то, что они считали себя героями. Я счастливее вас и в этом преддверии ада, в котором маюсь, ибо знаю людей, для коих падение стало вознесением. О, какие высокие души, какое ангельское терпение,

какая чистота мыслей и поступков! Самая злая, низкая клевета не могла бы в шесть лет искушения найти ни в одном пятнышке, и в какое бы болото ни бывали они брошены, приказное презрение превращалось в невольное уважение. Безупречное уважение творит около них очарованную атмосферу, в которую не смеет влезти никакая гадина. Сколько познаний, дарований погребено вживе! Вы помирились бы с человечеством, если бы познакомились с моим братом Николаем! Такие души искупают тысячи наветов на человека!»] Плеханов отметил этот отрывок волнистой линией и знаком «NB», а в замечаниях, которые он подготовил уже после прочтения книги, добавил: «386. Замечательно»³⁸. Это — своего рода итоговая характеристика, выражающая отношение Плеханова к нравственному облику людей 14 декабря.

В описании поведения Пестеля на следственном процессе Плеханов с сочувствием «цитирует» на страницах книги Павлова-Сильванского слова протоиерея Мысловского: [*«Казалось, он один готов был на раменах вынести тяжесть двух альпийских гор»*]³⁹. Плеханову были уже известны обстоятельства трагического надлома Рылеева во время следствия, внимание его, однако, сосредоточено на фактах революционной деятельности вождя «Северного общества». Наряду с «последними, написанными на воле» стихами Рылеева («Я ль буду в роковое время...») дважды подчеркнуты его слова в воспоминаниях Н. Вестужева: [*«Повторяю, что успех революции заключается в одном слове: «держай»»*]⁴⁰. Высказывание Рылеева оценено как образец революционной тактики.

В границах общей революционной идеологии декабристов Плеханов ясно видел «различные», как он сам об этом писал, направления политической мысли. Он учитывал «аристократические» проекты М. Орлова и Дмитриева-Мамонова, внимательно прослеживал эволюцию взглядов Н. Муравьева и других членов «Северного общества» на крепостное право и формы его отмены, проявлял особый интерес к аграрной программе Пестеля, к его республиканским и демократическим убеждениям и вспоминал в этой связи о Чернышевском⁴¹. В плане раздела выделено в самостоятельный подраздел описание «Общества соединенных славян».

Если судить по общему характеру издания, то Плеханова в истории тайных обществ прежде всего интересовали конституционные программы, различные «оттенки революционной мысли», индивидуальное своеобразие декабристских организаций и отдельных участников движения. В этой связи Плеханов ставит вопрос об отношении декабристов к предшествующему конституционному творчеству, к законодательным опытам Д. И. Фонвизина и М. М. Сперанского.

В «Истории русской общественной мысли» высказаны критические замечания в адрес Чернышевского, который удивлялся, как мог Сперанский так долго упорствовать в своих надеждах на проведение реформы. «Все такие люди смешны, их обольщения мелочны, — писал Чернышевский в статье «Великий реформатор» (1861), вызванной появлением книги М. Корфа «Жизнь графа Сперанского», — но они могут быть вредны обществу, когда обольщаются в серьезных делах. В своей восторженной хлопотливости на ложном пути, они как будто добиваются некоторого успеха и тем сбивают с толку многих, заимствующих из этого мнимого успеха мысль идти тем же ложным путем. С этой стороны деятельность Сперанского можно назвать вредной».

Плеханов, конечно, отдавал себе отчет в политических обстоятельствах, вызвавших появление статьи Чернышевского. В то же время он раскрыл с позиций исторического материализма методологическую уязвимость характеристики Чернышевского: «Точка зрения Чернышевского была в этом случае точкой зрения публициста. С точки зрения историка, деятельность людей, подобных Сперанскому, не всегда представляется в том свете, в каком она представлялась идеологу передовых русских разночинцев в 60-х годах XIX столетия. Историк не может не спросить себя: в самом ли деле существовали в эпоху того же Сперанского те «многие», которых могла бы при других условиях ввести в заблуждение его «восторженная хлопотливость»? И не послужила ли его неудача одним из исторических условий, способствовавших возникновению мысли декабристов о необходимости совсем другого способа преобразовательной деятельности»⁴².

Для того, чтобы стать в оппозицию к собственному классу, революционерам, вышедшим из дворянской среды, пришлось критически освоить весь предшествующий опыт как русской, так и западноевропейской политической мысли. Плеханов тщательно проштудировал известную статью Семевского о Сперанском⁴³, сделал подробный конспект его первого политического трактата (1802) и обратил внимание на мнение Семевского, писавшего о влиянии Радищева на Сперанского⁴⁴. Из другого очерка Семевского Плеханов сделал выписки о влиянии «Рассуждения», составленного Д. И. Фонвизиным, на политическое мировоззрение его племянника — декабриста М. А. Фонвизина: «оно было даже переделано Никитой Муравьевым и приспособлено к царствованию императора Александра. Причем, некоторые приписывают эту переделку М. А. Фонвизину»⁴⁵.

В отличие от всех предшествующих проектов государственных преобразований, конституционная деятельность декабристов была по своему характеру революционной — и по средствам установления нового законодательства, и по решительной ломке всей феодально-абсолютистской системы, и по возможностям, откры-

вавшимися для утверждения новых социальных отношений. Постоянно указывая на объективно буржуазное содержание революционной деятельности декабристов, Плеханов в то же время пытался определить особые черты этой революционности, ее социологическую типологию.

В уже цитированном плане предполагаемого издания «Истории русской общественной мысли» есть несколько загадочно звучащая фраза: «Важная отличительная черта, свойственная всем этим оттенкам революционной мысли», то есть всем тайным обществам, подготавливавшим революционное преобразование России. По-видимому, Плеханов придавал большое значение этой теме. Она следует за разделами, посвященными генезису и развитию тайных политических организаций, иными словами, подытоживает в известном отношении предшествующее содержание, дает общую характеристику всему движению, его идеологии. В чем суть этого нераскрытого тезиса? Можно ли восстановить ход плехановской мысли? ее направление?

В одном из последних разделов незавершенной «Истории русской общественной мысли» Плеханов писал о реакции на революционные события конца XVIII в.: «Французская революция с ее крайним обострением классовой борьбы составила эпоху в истории общественной мысли Европы вообще и России в частности. Практические планы французских социалистов-утопистов в значительной степени подсказывались стремлением найти средство для примирения классов. В следующем томе я покажу, что страх перед революционной борьбой классов повлиял и на образ мыслей наших декабристов»⁴⁶. Та же мысль была высказана Плехановым в статье «М. П. Погодин и борьба классов» (1911—1912): «Замечательно, что многие декабристы тоже боялись, по крайней мере, резких проявлений классовой борьбы. Один из самых выдающихся между ними говорит о своем тайном обществе: «Ему следовало придумать способы укрощать порывы, обычные в те дни брожения и смуты, когда народ требует отчета за прошедшее и возобновляет свой договор на будущее. Тайный союз имел особенно в виду охранить Россию от междуусобных брапей и от судебных убийств, ознаменовавших летописи двух великих народов (Англии, Франции)». (Разбор донесения тайной следственной комиссии в 1826 г. Никиты Муравьева.— «Библиотека декабристов», вып. 5, стр. VI). Пестель имел довольно ясное представление о борьбе классов. В своем показании он говорит: *«Мне казалось, что главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между массаами народными и аристокрациями всякого рода как на богатстве, так и на правах наследственных основанными. Я судил, что сия аристокрация сделалась наконец сильнее самого монарха, как то в Англии, и что оне суть главная препопа государственному благоденствию и притом могут быть*

устранены одним республиканским образованием государства» (цит. у В. И. Семевского. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 504—505)⁴⁷. В этом сказалось влияние на Пестеля французских писателей времен реставрации: г-жи Сталь, Гизо, Сисмонди. Поэтому не вполне прав покойный Павлов-Сильванский, когда он характеризует его образ мыслей, как очень близкий к образу мыслей якобинцев (Н. Павлов-Сильванский. Декабрист Пестель пред Верховным Уголовным Судом. Р.-на-Д., стр. 4—5)⁴⁸.

Число подобных примеров можно легко увеличить, если обратиться к пометам Плеханова на полях книг из его библиотеки. В уже цитированном исследовании Павлова-Сильванского проставлено «NB» рядом с текстом: [*«Ужасные происшествия, бывшие во Франции во время революции, заставляли меня (Пестеля.— С. Л.) искать средство к избежанию подобных, и сие-то произвело во мне впоследствии мысль о Временном Правлении и его необходимости, и всегдашние мои толки о всевозможном предупреждении всякого междоусобия»*]⁴⁹. В «Записках князя Трубецкого» в нескольких местах подчеркнута повторяющаяся характеристика той цели, которую ставило перед собой тайное общество: [*«... присягу хотели обратить к произведению в законоположение тех перемен, которые избавили бы отечество наше на будущее время от переворотов, подобных французской революции»*]⁵⁰. Словами «Крайне важно» знаком «NB» и карандашной линией выделен текст из известной записки А. Бестужева, написанной во время следствия: [*«А как ропот народа от истощения и злоупотребления земских и гражданских властей происшедший грозил кровавою революцией, то общества вознамерились отворотить меньшим злом большее и начать свои действия при первом удобном случае»*]⁵¹.

Мысль Плеханова развертывается в нескольких направлениях, чрезвычайно важных для современного декабристоведения и — шире — для истории русской общественной мысли первой трети XIX в.

Если верить воспоминаниям С. П. Трубецкого, то Пестель уже в 1817 г. замыслил создание временного революционного правления («Франция блаженствовала под управлением Комитета общественной безопасности»). Можно было бы полагать, что Трубецкой допустил в своих воспоминаниях хронологическое смещение, перенес на более раннее время свои впечатления от встреч с Пестелем в 1824 г. Действительно, в 1817 г. социально-политическая программа Пестеля еще далеко не оформилась в духе тех республиканских и демократических требований, которые были характерны для «Русской Правды» и сближали ее автора с деятелями революционного конвента.

Нельзя, однако, забывать и о тех фактах, которые подтверждают достоверность воспоминаний С. П. Трубецкого. Это, прежде всего, свидетельство самого Пестеля, указавшего на «всегдашние» свои «толки о всевозможном предупреждении всякого междоусобия». Существенно также то место, которое занимает это заявление в сохраняющих хронологическую последовательность показаниях Пестеля: оно предшествует событиям, связанным с переходом на республиканские позиции, то есть относится к ранним этапам политической эволюции будущего вождя «Южного общества». Наконец, — и это важнейшее, отмеченное Плехановым, — обращение Пестеля к опыту французской революции отнюдь не означало его простого повторения.

Французский Национальный Конвент был революционной организацией государственной власти, выражавшей интересы неимущих масс народа, «диктатурой низов, т. е. самых низших слоев городской и сельской бедноты»⁵². Революционное творчество народных масс, будучи наиболее ярким проявлением классовой борьбы, получило в деятельности Национального Конвента свое самое полное выражение. Замышляемое Пестелем Временное революционное правление преследовало едва ли не противоположную цель: нужно было предупредить «ужасы» народной революции, не дать ей развернуться, не допустить народные массы к революционной деятельности, сгладить по возможности классовые противоречия, открытые проявления классовой борьбы. В этом принципиальном вопросе мнения декабристов самых разных направлений не расходились. Русский «Конвент» мог учредить в России — Пестель в течение некоторого времени думал об этом — конституционную монархию. Впоследствии программа социальных и политических преобразований значительно демократизировалась, но функции временной диктатуры оставались прежними: революция проводилась в интересах народа, но без непосредственного участия самого народа.

Плеханов подошел к раскрытию идеологической структуры того явления, которое Ленин гениально определил как дворянскую революционность. Качественное своеобразие этой революционности («Страшно далеки они от народа») определяло все сферы деятельности будущих декабристов, в том числе их конституционное творчество. Подобно Ленину, Плеханов видел в этом своеобразие черту, общую для всего движения декабристов, определяющую самый тип их революционности.

В этом же теоретическом контексте декабристы сравнивались с социалистами-утопистами. Вслед за Марксом и Энгельсом Плеханов не раз отмечал, что творцы утопических систем видели уже антагонизм классов, равно как и влияние разрушительных элементов внутри самого господствующего общества. Но они не замечали в пролетариате никакой исторической самостоятельности,

никакого свойственного ему политического движения. Верные этому воззрению, социалисты-утописты обращались не к пролетариату, а ко всему современному им обществу, надеясь реорганизовать его мирным путем, без разрушительных «эксцессов» классовой войны. «Практические планы» французских социалистов-утопистов, в значительной степени подсказанные стремлением найти средство для примирения классов, напомнили Плеханову социальную программу Пестеля. Конечно, Плеханов был далек от того, чтобы приписывать Пестелю социалистические идеи, как это делали некоторые ученые⁵³. Во время чтения монографии Семевского Плеханов подчеркнул карандашом на стр. 629 высказанную историком мысль о том, что [«планы Пестеля относительно аграрных преобразований, несмотря на признание им и частной собственности, *нельзя не считать первыми зачатками социализма в России*»]. Рядом, на полях, был поставлен вопросительный знак с разъяснением: «Ср. (стр.) 630». На следующей странице выделено рассуждение Пестеля о необходимости борьбы с «всевозможными аристократиями», взятое из его «Социально-политического трактата», с замечанием на полях: «Ср. Сисмонди». Внизу, рядом с 3-й сноской Семевского: «Эти мысли могли быть навеяны сочинением экономиста Симона де Сисмонди». Плеханов выразительно соглашается: «Именно»⁵⁴. Социальный утопизм Пестеля не смешивается с утопическим социализмом. Буржуазность аграрной реформы, намеченной в «Русской Правде», для Плеханова очевидна. Сравнение с Сисмонди идет по линии государственной регламентации земельных отношений, призванной предупредить пауперизацию населения будущей республиканской России, установить в стране условия для устойчивого классового мира. К сожалению, Плеханов не успел развить дальше свои наблюдения в этом вопросе, но даже в таком «пунктирном» виде они крайне интересны. Речь идет, естественно, не о пресловутых «влияниях», а об изучении общих типологических явлений в русском и западноевропейском идеологическом движении.

Нужно признать, что концепция декабризма, сложившаяся у Плеханова в годы его тесного сотрудничества с Лениным в деле создания политической партии русского пролетариата, была марксистской концепцией. В последующие годы, когда Плеханов допустил ряд принципиальных ошибок в характеристике русского исторического процесса и современного политического положения, в понимании движения дворянских революционеров, он в главном оставался на марксистских позициях и был ближе всех в этом вопросе к Ленину. Плеханов отстаивал революционный характер движения, отмечал его объективно буржуазную идеологию, своеобразие отдельных направлений революционной мысли, не разрушавших общего единства; вскрыл некоторые существен-

ные особенности дворянской революционности. Многие из наблюдений Плеханова сохранили свою научную актуальность и по сей день.

- ¹ Впервые статья Плеханова появилась в печати в Женевском издании на русском языке «Заря», 1901, № 1 (апрель), стр. 154—174. В России она была опубликована в легальной печати в 1906 г. издательством «Библиотека для всех».
- ² М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I. М., 1955, стр. 19. Наиболее развернутая характеристика значения Плеханова в русской историографии в книге В. И. Астахова «Курс лекций по русской историографии» (Харьков, 1965). Там же приведена история вопроса.
- ³ С. В. Окунь. Движение декабристов в советской исторической литературе, стр. 87—88.
- ⁴ А. Л. Шапиро. Русская историография в период империализма. Л., 1962, стр. 161.
- ⁵ Г. Плеханов. 14 декабря 1825 года. Речь, произнесенная на русском собрании в Женеве 14 (27) декабря 1900 года. С предисловием М. Н. Покровского. М.—Л., 1926. Предисловие Покровского перепечатано в сборнике его статей «Декабристы» (М.—Л., 1924). Юбилейная речь Плеханова неоднократно переиздавалась. В 1921 г. она вышла вторым изданием, в 1923 г. была включена в сборник статей Плеханова «Очерки по истории русской общественной мысли» (Пг., стр. 5—18). В следующем году статья появилась в 10-м томе сочинений Плеханова. (М.—Пг., стр. 351—372). Второе издание сочинений появилось в 1925 г. Наконец, в 1926 г. «14 декабря 1825 года» снова вышло отдельным изданием. К этому надо добавить, что отрывки из речи Плеханова публиковались в школьных и других массовых хрестоматиях вместе с отрывками из статьи Ленина «Памяти Герцена» («Хрестоматия по русской истории»). Составил Михаил Ковалевский, т. IV. М.—Пг., 1923, стр. 386—389; «Декабристы. 1825—1925». Сборник статей и материалов. Составил С. Я. Штрайх. М., 1925, стр. 281—286).
- ⁶ Термин, пущенный в оборот Покровским и его школой, был подвергнут убедительной критике М. В. Нечкиной («Движение декабристов», т. I, стр. 16).
- ⁷ Цитирую по изданию речи Плеханова (М.—Л., 1926, стр. 1—7). С. Я. Гессен, в вышедшем в 1926 г. исследовании «Декабристы перед судом истории», пошел еще дальше, отождествив точку зрения Плеханова на декабристов со взглядами Иванова-Разумника! Характерно, что тот же автор, опираясь на «классовый» критерий, находит, что Ленин «в основе своих взглядов на декабристов» также примыкает к Иванову-Разумнику!! (стр. 254, 248).
- ⁸ М. Ольминский. Разрушение легенды. «Вестник жизни», 1907, глава III, стр. 72—83; рецензия: «Образование», 1907, № 11, стр. 100—108; К. Н. Левин и М. Н. Покровский. Декабристы. «История России в XIX веке», т. I. СПб., 1907, стр. 67—137.
- ⁹ Дом Г. В. Плеханова (филиал Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), шифр: В 459. «История России в XIX веке», т. I. В дальнейшем в ссылках будет указываться лишь Библиотека Г. В. Плеханова.
- ¹⁰ До 1906 г. некоторые историки считали С. П. Трубецкого автором конституции, обнаруженной следствием в его бумагах. М. В. Довнар-Запольский опубликовал ее текст в «Мемуарах декабристов» (1906) с подзаголовком «Проект конституции, найденной в бумагах кн. С. П. Трубецкого» (стр. 96—118), но указал в предисловии, ссылаясь на только что вышедшую книгу В. Е. Якушкина «Государственная власть и проекты государственной реформы в

России» (1906), в приложениях к которой был помещен «пущинский вариант» конституции Н. Муравьева, что проект, переписанный Трубецким, также принадлежит Муравьеву (стр. XXVII). Конечно, Довнар-Запольский ошибался, говоря о том, что «Следственная комиссия не доискала автора этой конституции» (там же). В действительности, Следственная комиссия пришла к выводу, после сличения с «тюремным вариантом», что проект, найденный в бумагах Трубецкого, «не что иное, как список конституции Н. Муравьева, с весьма неважными переменами» («Восстание декабристов», т. I. М.—Л., 1925, стр. 27). По непонятным и, возможно, случайным причинам Покровский не учел замечаний Довнар-Запольского, на что обратил внимание Плеханов, хорошо осведомленный в литературе вопроса.

- ¹¹ Библиотека Г. В. Плеханова, шифр: В 4519, стр. 102. На полях запись Плеханова: «Ср. народников».
- ¹² Текст Покровского, выделенный Плехановым волнистой линией на полях, здесь и далее дается в квадратных скобках. Курсивом воспроизводятся слова, подчеркнутые Плехановым.
- ¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 319.
- ¹⁴ К. Левин. Декабристы. СПб., 1906; рец. М. С. Ольминского: «Образование», 1907, т. 2, стр. 100—103.
- ¹⁵ «История России в XIX веке», т. I, стр. 102 (здесь и далее цитаты даются по экземпляру книги из библиотеки Плеханова).
- ¹⁶ Там же, стр. 104. Записи Плеханова приводим в современной орфографии.
- ¹⁷ Там же, стр. 108.
- ¹⁸ См. там же, стр. 116.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же, стр. 119.
- ²¹ Там же, стр. 118.
- ²² Женевскую речь Плеханова цитирую по 2-му изданию его сочинений (М.—Л., 1925, т. X, стр. 371).
- ²³ Г. В. Плеханов. Соч., т. 12, стр. 154.

- ²⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. 10, стр. 384.
- ²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 318.
- ²⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. 10, стр. 357, 356.
- ²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 143.
- ²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 398. Ср. у Плеханова: «То дворянское меньшинство, которое сумело возвыситься над сословными предрассудками и сословными интересами, было слишком слабо для того, чтобы добиться осуществления своих идеалов» (Г. В. Плеханов. Соч., т. 10, стр. 372).
- ²⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. 2, стр. 301.
- ³⁰ Г. В. Плеханов. Соч., т. 20, стр. 130.
- ³¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. 20, стр. XXII. (План издания был составлен Плехановым весной 1914 г.).
- ³² Там же.
- ³³ Г. В. Плеханов. Соч., т. 20, стр. 128.
- ³⁴ Библиотека Г. В. Плеханова. В 4322; Н. Тургенев. Россия и Русские. Первое русское издание. М., 1907, стр. 59.
- ³⁵ Библиотека Г. В. Плеханова. В 4366; Н. Когляревский. Декабристы. М., 1907, стр. 60. Курсивом выделен текст, подчеркнутый Плехановым.
- ³⁶ Либеральные историки оправдывали «покаянные» показания отдельных декабристов в духе ренегатских настроений, захвативших определенные круги русской интеллигенции и получивших свое концентрированное выражение в сборнике «Вехи». Покровский, напротив, включал эти факты в «состав обвинения», отрицая революционный характер движения декабристов. Известная работа П. Щеголева («Николай и декабристы. Очерки». Пг., 1919) раскрывает преимущественно следственный механизм событий и непосредственную роль Николая в организации и проведении процесса.
- ³⁷ Библиотека Г. В. Плеханова. В 4366; Н. Когляревский. Декабристы, стр. 28—31, 48, 87 и др.
- ³⁸ Там же, стр. 386.

- ³⁹ Там же, В 4386; *Н. Павлов-Сильванский*. Декабрист Пестель перед Верховным Уголовным Судом, стр. 3.
- ⁴⁰ Там же, В 4320; Полное собрание сочинений К. Ф. Рылеева, т. I. Библиотека декабристов, вып. 1 (1906), стр. 42, 51—52.
- ⁴¹ Там же, В 4484; *В. И. Семевский*. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 414, 501 («Точка зрения Пестеля.— Ср. Чернышевского»), стр. 507 («Ср. Чернышевского») и др.
- ⁴² *Г. В. Плеханов*. Соч., т. 20, стр. 317.
- ⁴³ *В. И. Семевский*. Первый политический трактат Сперанского. «Русское богатство», кн. 1, стр. 46—84. Сравни: предисловие С. И. Валка к книге «М. М. Сперанский. Проекты и записки». (М.—Л., 1961).
- ⁴⁴ Архив Г. В. Плеханова. Тетрадь 153, лл. 57, 42—89 об.
- ⁴⁵ Архив Г. В. Плеханова. Тетрадь 158, лл. 13—15. В хранящейся в библиотеке Плеханова книге «Общественные движения в России в первую половину XIX века» соответствующее место в статье Семевского («Михаил Александрович Фон-Визин») выделено карандашной линией (стр. 110). Сравни: публикацию *К. В. Пигарева* «Рассуждение о неперменных государственных законах» Д. И. Фонвизина в переработке Никиты Муравьева». «Литературное наследство», т. 60, кн. 1, стр. 339—361.
- ⁴⁶ *Г. В. Плеханов*. Соч., т. 22, стр. 277.
- ⁴⁷ *Г. В. Плеханов*. Соч., т. 23, стр. 68, прим. 2-е. Текст, выделенный курсивом, подчеркнут самим Плехановым по экземпляру книги Семевского, хранящейся в его библиотеке (шифр В 4484). Там же на полях приписка рукою Плеханова: «Очень важно» (стр. 504). Этот же текст подчеркнут им же по экземпляру книги Павлова-Сильванского (шифр: В 4386, стр. 29 с припиской на полях: «Борьба классов»).
- ⁴⁸ Библиотека Г. В. Плеханова. В 4386; *Н. Павлов-Сильванский*. Декабрист Пестель пред Верховным Уголовным Судом, стр. 29.
- ⁴⁹ Там же, стр. 28.
- ⁵⁰ Там же, В 4697; «Записки декабристов», вып. 2—3, Лондон, 1863, стр. 27, 78.
- ⁵¹ Там же, В 4366; *Н. Когляревский*. Декабристы, стр. 139.
- ⁵² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 54.
- ⁵³ *Р. С. Русанов*. Влияние европейского социализма на декабристов и молодого Герцена. «Минувшие годы», 1908, т. XII, стр. 170—184. Сравни: *К. А. Пажитнов*. Развитие социалистических идей в России, т. I. Пг., 1924, стр. 26—38.
- ⁵⁴ Библиотека Г. В. Плеханова. В 4484; *В. И. Семевский*. Политические и общественные идеи декабристов, стр. 629—630.

ИДЕИ ДЕКАБРИСТОВ И РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XIX В.

А. Н. Цамутали

Восстание декабристов, положившее начало революционному движению в России, оказало большое влияние на все стороны общественно-политической жизни, в частности на развитие русской исторической науки. Тема «Идеи декабристов и русская историография XIX в.» не является новой. Историческим взглядам декабристов, их борьбе против официально-охранительного направления в русской историографии, критике декабристами концепции Н. М. Карамзина отведено значительное место в работах советских историков¹. Серьезное внимание уделено в советской историографической литературе воздействию идей декабристов на передовую историческую мысль, в первую очередь на исторические взгляды В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, отстаивавших революционно-демократическую трактовку истории России². Вместе с тем есть ряд вопросов, которые еще предстоит рассмотреть историкам. Среди них воздействие декабристов на эволюцию построений историков либерального и охранительного направлений. Заслуживают большего внимания споры ученых разных течений вокруг проблем, выдвинутых декабристами. Эти сюжеты и будут затронуты в настоящей статье.

Декабристы резко выступали против «Истории Государства Российского» Карамзина. Они вскрыли монархическую и крепостническую подоплеку многотомного труда официального историографа. Не обращавший сначала серьезного внимания на высказывания декабристов Карамзин вынужден был признать, что популярность его «Истории» резко упала. В 1824 г. он сетовал в своих письмах, что X и XI тома «Истории» не имеют прежнего успеха³. Критика декабристами карамзинской концепции вообще послужила серьезным ударом по официально-охранительной историографии. В глазах многих современников эта критика, даже тогда, когда исходила от людей вполне верноподданных, приобретала характер выступления против существующего строя, несла на себе отпечаток декабристских идей, вызывала ассоциации с 14 декабря 1825 г. В этом смысле весьма характерно (на это обратил внимание еще А. Н. Пыпин⁴) содержание письма П. А. Вяземского к министру народного просвещения С. С. Уварову. Вяземский